

Труды
и капиталы

Что мешает в российской экономике разделять капитал, снижать его монопольную и спекулятивную составляющую, повышать инвестиционную роль, продуманно превращая большинство работников в акционеров компаний?

СТР. 3

Бесправное
Переделкино

92-летний ветеран войны, бывший директор Городка писателей «Переделкино», тревожится за судьбу уникального памятника истории и культуры, землю которого Куняев и Переверзин пытаются выкупить по казённой цене, не имея на это никаких прав.

СТР. 4

А про детей
забыли

Ещё недавно этих внимательных зрителей называли юными и по всей стране были театры, куда мальчишки и девочки приходили с удовольствием. В лихие 90-е ТЮЗы переименовали, да и про спектакли для детей позабыли. А зря: выросли поколения, которые не видели сказок и замечательных историй. Может, потому подростки считают такие жестокие?

СТР. 8

Две Победы

ТВ России и Украины отметило 9 Мая по-разному. Одни попытались вернуться к советским традициям. Другие, наоборот, избавиться от наследия прошлого.

СТР. 10

Человек
на коленях

За три последних года у нас НЕЗАКОННО привлечены к уголовной ответственности 14 тысяч 261 человек. Правоохранители, торопясь отчитаться, битьём заставляют подследственных взять на себя чужую вину. Кто наконец остановит этот пыточный конвейер? Судебный очерк Игоря Гамаюнова

НА СТР. 13

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетил 30 971 человек. Заходите!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО

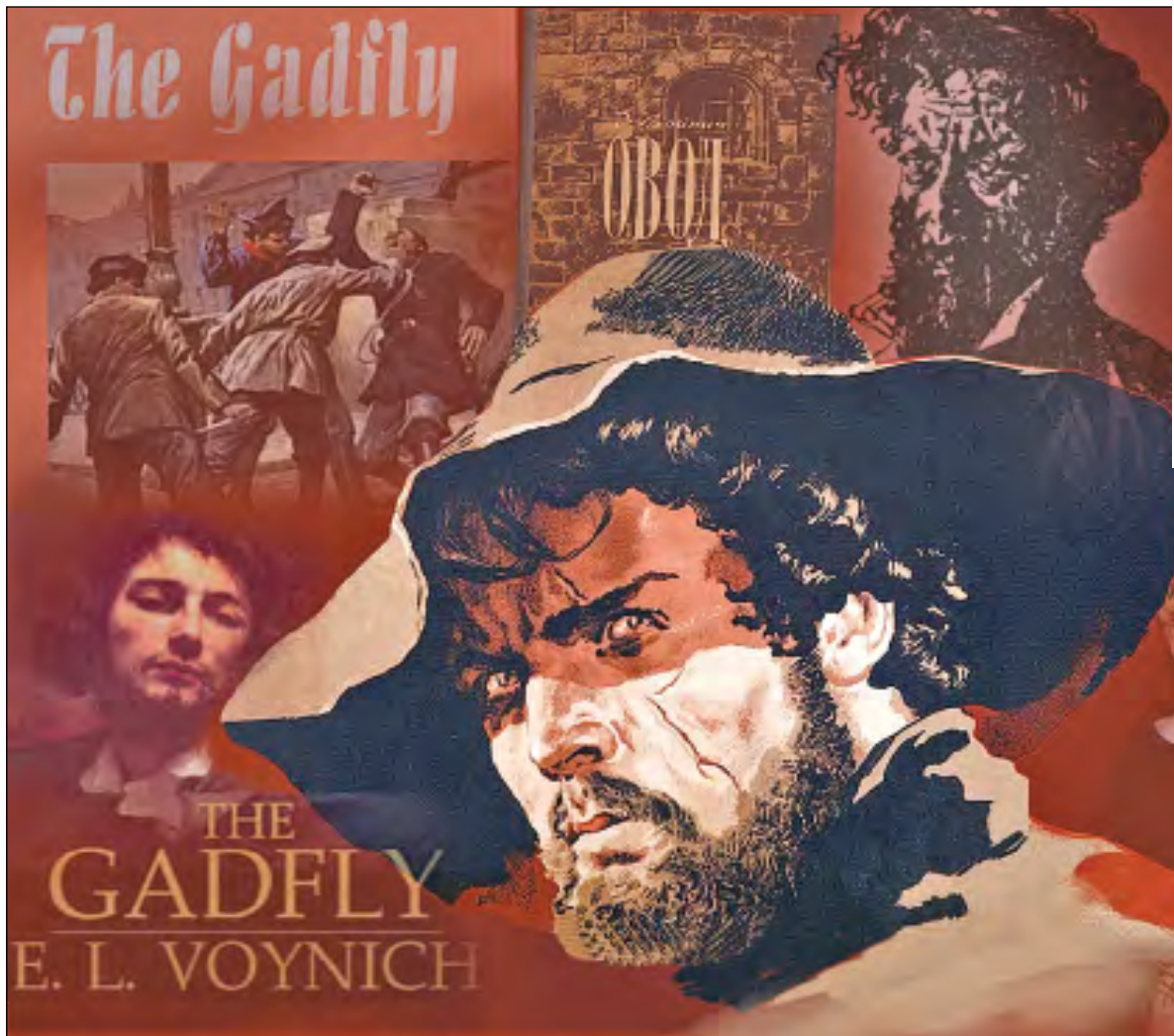
Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20 €; A – 2,30 €;
B – 2,30 €; PL – 12,90 PLZ; L – 2,30 €;
CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €;
I – 2,50 €; GR – 2,50 €; CYP – 2,50 €;
TR – 5,00 TRY; CN – 3,50 CNY; GB – 1,80
GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK;
NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP;
USA – 2,50 \$; C – 2,5 CAD

Международное издание

Довод «Овода»

150 лет назад родилась Этель Лилиан Войнич

Книга Этель Лилиан Войнич, встреченная на родине писательницы, в Британии, с умеренным интересом, в России была подхвачена и переведена мгновенно. Инемудрено: ведь с переводчицей Зинаидой Венгеровой автор была в знакомстве, а с некоторыми людьми российского литературно-издательского круга, уже знавшими её как переводчицу с русского и украинского языков, ждавшими её собственную книгу, – в переписке и в дружбе.

Тогда и началась эта ошибка с переводом – знаковая: The Gadfly – по-английски это овод, но и слепень. Слепень – жалит, овод – паразитирует. Войнич, скорее всего, имела в виду первое насекомое, но можно ли было назвать революционера «слепнем»?

Итак, в 1898 г. Россия приняла романтическую историю с величайшим воодушевлением, которого хватило на столетие. Объясняется это прежде всего тем, что книга практически писалась с натуры. Автор была замужем за польско-литовским эсдеком Михаилом Войничем, не понаслышке знающим, что такое ссылка. Она дружила с русским революционером-террористом Сергеем Степняком-Кравчинским (он убил шефа жандармов Мезенцова), состояла в переписке с прогрессивным украинским публицистом Михаилом Павличком (выступал за освобождение Галиции из-под

влияния Австро-Венгрии). Заносчивые британцы, в сущности, мало интересующиеся «Оводом», игнорируют этот «русский след», предлагая вместо него неподтверждённую историю о британском шпионе русского (еврейского) происхождения, который путешествовал вместе с Войнич и поведал ей свою донельзя романтическую биографию.

Войнич без энтузиазма восприняла известие, что первая русская публикация её романа выйдет в журнале «Мир Божий». Она опасалась возможной «клерикальности» издания, а кроме того, недоумевала от предположения редактора, что роман будет интересен в первую очередь юношеству (впоследствии так оно и вышло).

А первоначально одной из причин успеха этой книги стало то, что она воспринималась как романтический портрет аудитории, для которой и была написана. Русские романтики отправлялись воевать за Гарибальди, а один из самых романтических героев русской литературы носит имя Сильвио. Сами итальянцы, кстати, себя в этой книге не пожелали узнать: «Овода» перевели на итальянский лишь во второй половине XX века, причём переименовали книгу, сделав акцент на скандальном: «Сын кардинала»...

«Овод», выдержавший в Советском Союзе бесчётное число переизданий (в переводе Н. Вол-

жаниной) и три экранизации (для одной из которых писал музыку Шостакович), несомненно, имеет литературные достоинства. Первейшее из них: это щемяще-жалостливая книга. Главный герой жалит всех и вся, но читатель-то знает, что он глубоко несчастен. Это так по-русски: пожалеть того, кто причиняет боль, тем более если он достоин жалости. А в «Оводе» жалко вообще всех главных героев, таких красивых и возвышенных, таких правильных и оступившихся! Запретная страсть, борьба, сверканье очей, прощальный поцелуй на кончиках пальцев, крепость, кандалы, побег – это всё интересно, но это можно найти во многих романах Гюго. Своей невыразимо-романтической меланхолией «Овод» успешно соперничает с Гюго, а компактностью и динамичностью явно его превосходит. Это – книжка на одну ночь. И для многих – на всю жизнь. Значит, довод Овода остаётся неопровержимым: «Если вы чувствуете, что вами овладела идея, – это всё. А иначе вас ничто не свяжет».

И если в современной России нет сходного романтического героя – значит ли это, что нам разонравились революционеры? Или мы просто стали менее жалостливы?

Продолжение темы на стр. 5

АКТУАЛЬНО

«Мы не можем быть одной страной»

Репортаж нашего корреспондента из Луганска

Иногда кажется, стоит только сильнее зажмурить глаза, и всё это страшное марево – сожжённые заживо люди в Одессе, застреленная на своём балконе женщина, раздавленный танком человек, тяжело раненный двенадцатилетний ребёнок, десятки убитых в Славянске и Краматорске – окажется лишь картинками из фильма ужасов.

Но нет. За полгода Украина превратилась в «горячую» точку, где над городами кружат военные истребители, где танки идут на мирных граждан, где стреляют и убивают женщин и детей...

Точкой отсчёта, разрушившей и разломавшей Украину на два непримиримых лагеря, стал майдан.

там ведь по улицам ходят вооружённые люди. А в нескольких километрах от города танки стоят...

Впрочем, дело не только в страхе, украинские пограничники не впускают в страну мужчин от 16 до 60. Да и к женщинам молодым приглядываются, вдруг едут на баррикады, на подмогу «сепаратистам».

– С какой целью въезжаете в Украину? – молодой украинский пограничник строг и непреклонен, впрочем, то, что я родилась в Луганске, его смягчает. Врать мне не приходится. Дома ждут родители...

Майское солнце припекает по-летнему, одуряюще пахнет сирень, однако на улицах Луганска малоллюдно. В воздухе витает удушливая, как смог, тревога. Магазины, детские сады и школы работают в привычном режиме, однако в классах сидят по 10–12 человек, родители страшатся отпускать детей: в центре возле областной администрации – баррикады, которые охраняют вооружённые люди...

Окончание на стр. 2

КНИГА НЕДЕЛИ

● В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники»: Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве. Комментарии / Сост. Е.В. Ивановой; изд. подгот.: А.П. Дмитриев, Е.В. Иванова, Г.Б. Кремнев, П.В. Палиевский. – СПб.: Росток, 2014. – 1182 с.: ил. – 1000 экз.

Издание – научная реконструкция задуманной Василием Розановым, но неизданной книги о Константине Леонтьеве. Дружба их, «краткая и горячая», была недолгой: заочное знакомство началось с небольшого апрельского письма Леонтьева и закончилось с его смертью в ноябре. Но именно Розанов он выбрал духовно-философским наследником, переслав незаконченные тексты и часть архива тогда неизвестному провинциальному писателю. Эти документы вместе со статьями Василия Васильевича о Леонтьеве стали основой издания.

Причина такого выбора Константина Николаевича в том, что после переписки с Розановым, прочтения его книги «О понимании» и статей, от которых Леонтьев был в восхищении, особенно от той, что о его творчестве («Наконец-то после 20-летнего почти ожидания я нашёл человека, который понимает мои сочинения именно так, как я хотел, чтобы их понимали!»), он почувствовал к Розанову «избирательное сродство». 60-летний писатель за глубочайшее понимание его текстов сразу высоко зауважал своего 35-летнего корреспондента.

Леонтьев сильно повлиял на мировоззрение Розанова и его писательскую судьбу. Наверняка именно леонтьевская манера письма («гений эпистолярного жанра») с задушевыми разговорными интонациями повлияла и на уникальный розановский стиль – «будучи вместе с читателем», который становился свидетелем его быстрых откровенных реакций на происходящее в мире. Он создал жанр «заметок на ходу», примечаний, «подстрочного петита», высокоценимый ныне, ибо велика нужда в искренности.

Розанов высоко ценил Леонтьева как мыслителя, уверяя, что тот – философ европейского уровня вровень с Ницше. И удивлялся, почему первый так мало известен даже в России, о чём горевал и сам Леонтьев. Горевал, но объяснял это по-православному, по-русски, «по-Оптински» – «Божья воля!».

«Так нужно было меня выработать, и для этой цели пригодились и в друзьях, и в критиках и русская лень, и общечеловеческий эгоизм, и опять-таки специально-русская умственная робость, русское предательство не всегда даже по злобе, а чаще по вялости и легкомыслию...»

Связь с другом продолжилась и после кончины Розанова. Он был похоронен рядом с могилой Леонтьева возле Троице-Сергиевой лавры. В 1923 году кладбище срыли, гранитный памятник Леонтьеву разбили в куски, а крест на могиле Розанова сожгли.

Сегодня на этом месте надгробия двух уникальных русских мыслителей восстановлены. Возвращаются к нам и их тексты, всё активнее действуя на нашу умственную культуру. А более глубокое понимание этих писателей делает обоих намного популярнее, чем при жизни.

СТИХИ НА ПЕРВУЮ ПОЛОСУ

Юнна МОРИЦ

Не будь, Россия, ничьей добычей!
Не следуй правилам тех приличий,
Какие хищник диктует жертвам, –
Не будь сведобной!.. Не верь экспертам,
Чей опыт славен словесным блудом, –
Тогда не будешь дежурным блюдом,
Закуской, жертвой звериной страсти –
Порвать с восторгом тебя на части!

Не будь безгрешной!.. Из тех, кто живы,
Никто не ангел, – упрёки живы.
Не будь пушистой, а будь зубастой!
Чисты фашисты, как тютюк с пастой,
Чисты фашисты, как зубик с пломбой,
Как в небесах санитары с бомбой.
Не говори, что бывает хуже!..
Не жди пощады в глобальной луже.

Не будь, Россия, страной-тарелкой,
Разбитой вдребезги подлой сделкой, –
Страной осколков, отдельно взятых
В разбейденных российских штатах.
Не будь разбейной!.. Не верь экспертам,
Не следуй правилам тех приличий,
Какие хищник диктует жертвам...
Не будь, Россия, ничьей добычей!

Цикл стихов
«И нету правды средней» на стр. 9